

Почтовый ящик

Приводим условия, на которых допускается участие читательниц и читателей «Иллюстрированной России» в нашем почтовом ящике:

1. Хотя предложения вступить в переписку будут печататься под инициалами — Редакция должна иметь в своем распоряжении точные фамилии и адреса.
 2. Письма, поступающие на имя объявителей, будут пересылаться по назначению только в том случае, если отправитель не живет в том городе, что и адресат.
 3. Редакция оставляет за собою право не печатать таких предложения, которые по духу своему, содержанию или стилю не соответствуют задачам «Почтового Ящика».
 4. На пересылку писем — прилагать французские марки (для лиц, живущих вне Франции), международный почтовый купон со штемпелем.
- За помещение объявления установлена цена в 20 франков за три раза. (или 14 международных почтов. купонов со штемпелем).

ВНИМАНИЮ ЛИЦЪ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ ПОЧТОВЫМЪ ЯЩИКОМЪ!

Почт. междунар. купоны, присылаемые для пересылки писемъ, должны обязательно имѣть штемпель почтового отдѣленія, которое ихъ выдаетъ. Отсутствіе штемпеля на купонѣ лишаетъ его всякаго значенія.

«КИСМЕТЬ». — Добрая, тихого нрава, образ. особа средн. лѣтъ, люб. семейн. уютъ, имѣющ. собств. небольш. дѣло, ищетъ переписки съ серьезн. цѣлью (не анонимн.), съ

господ. не старше 48 лѣтъ, искрен. и чут. кимъ. 436.

РУССКІЙ ВЪ АФРИКѢ. 39 лѣтъ, один, интелл., развед., серьезный, трезв., проситъ откликнуться русскую даму или дѣвицу изъ Прибалтики, до 35 лѣтъ, интеллиг., серьезн., матеріально не заинтересованную и могущ. выѣхать въ Сѣв. Африку. 433.

РУССКІЙ ЛЕГИОНЕРЪ 43..., заброш. въ африканскихъ степяхъ, жел. вести переписку съ молод. русск. дѣвушкой. 438.

Е. — Латвія. Я одинока душою; перепискою хочу окрасить сѣрыя будни. 438.

РУССКІЙ 44-хъ лѣтъ одинок. интел. высш. образов., имѣющ. свое собствен. дѣло, жел.

переписыв. съ русской особой не мол. 30 л., проникн. глубокой любовью къ родинѣ. 439.
НАТА, одинокая, проситъ очень откликнуться. Скучно. Отвѣтитъ на каждое письмо! 439.

Д. А. ПАРИЖЪ. 39 лѣтъ, имѣющій постоянную работу, познакомился бы съ дѣвушкой или вдовою, живущей во Франціи. 439.

М. И. Молод. интелл., серьезн. дѣвушка жел. вести переписку съ образованнымъ, серьезнымъ господ. отъ 30-40 лѣтъ. 439.

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА. Ищу переписки съ интеллигентнымъ образованнымъ русскимъ. Одинока, обезпечена службой. Живу въ Румыніи. 439.

ПРИБАЛТ. НѢМКА — Парижъ работ. люб. сем. жизнь, ищетъ переписки съ интелл. восп. обезпечен. работ. господ. Имѣю постоянную службу. 440.

РОБИНЗОНЪ, молод., интересн. въ силу влечен. природы и расчета, намѣренъ перем. жизнь Парижа на здоров., примитивн. жизнь экзотическихъ острововъ. Жел. переписыв. съ молод. особой съ соответств. взглядами. Пис. подробно. 441.

Е. Р. А. Интел. дѣв. средн. лѣтъ, желаетъ вступить въ переписку съ интел. господиномъ. Возрастъ и соц. пол. безразличны. Тайна обезп. 441.

РОССИЯНКА ИЗЪ СѢВ. АМЕРИКИ жел. бы переписыв. съ русск. культурн. господ., не старше 48 лѣтъ, матеріально обезпечен. или имѣющ. постоянн. службу. 442.

ЗАПАД.-Е. Т. 377. Серьез. интелл. молод. дама вдова, въ недал. буд. заканчивающ. спец., дающую хорошій доходъ, ищ. переписки съ инт. солиднымъ и серьезнымъ г-мъ, прожив. въ Санъ-Франц. Мартин. Магадаск. или Индо-Китаѣ. Не серьезныхъ прошу не беспокоить. 442.

НЕ ПАРИЖАНИНЪ холостой 42 года, трезв., работ. въ Парижѣ, жел. познакомиться съ трудолюбив. особой, средн. лѣтъ (въроисповѣданіе безразлично). Отвѣчу на кажд. письмо. Фотогр. необяз. 442.

ТРИДЦАТИЛѢТНЯЯ. Въ как. уголкѣ свѣта наход. господинъ, любящ. дѣтей и сем. уютъ, могущ. дать приличн. образов. двумъ дѣтямъ (близнецамъ) первоначальн. школн. возр. Мнѣ 30 лѣтъ интеллиг. со среднимъ образованіемъ. На каждое письмо отвѣчу. 442.

Н. Н. Не боящийся жизни, сильный 35-лѣтній мужч. желатъ бы вступ. въ переписку съ так. же особой, любящ. семейн. жизнь. 444.

34 ЛѢТЪ холост., интелл. имѣющ. соб. небольш. торг. дѣло желаетъ переписыв. съ дѣвушкой или вдовой серьезн. искренн. скромн., «не модернъ» любящ. семейную жизнь, чутк. и матеріально не заинтересован. 444.

АФРИКА. Обезпеч. раб. въ провинціи, интеллиг. Русскій, 40 лѣтъ, развед., ищетъ интелл. корреспондентку 32-36 лѣтъ, скромн., не «модернъ», могущ. прѣхать въ Африку. Анонимамъ не отвѣчаемъ. 433.

Разыскиваю Ивана Яковлевича Жолткевича — офицера Варшавской Крѣпости Артилл., переведен. потомъ въ Либавскую крѣпость въ гор. Либаву — Россія. Свѣдѣнія пр. адресовать: Esthonie, Reval, Pr. Marie, Sepp, Granidi tän. 25 kort 2.

СЕРЬЗНЫЙ молодой человекъ, 26 л., высокого роста, проживающій близъ Парижа, желаетъ серьезно переписываться. Жел. фотогр., тайна обезп. 431.

РАБОЧИЙ, обезпеч. грудомъ въ провинціи, 30-ти лѣтъ, москвичъ, жел. вступ. въ переписку съ серьезн. цѣлью съ дѣвушкой или вдовой, соответств. возраста. 445.

ЗАЙДИТЕ КЪ REIBROS

Вы найдете тамъ лучший въ Парижѣ выборъ дамскихъ шляпъ, несравненныхъ по качеству и изяществу отъ 39 фр.

REIBROS 11, rue La Fayette.

№ 48 (446) Парижъ
25 ноября 1933 г.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

Цена отд. № - 3 фр.
10-й годъ изданія

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

Праздникъ русской литературы

J. Bunin

Ив. Бунинъ

J. Bouvine

Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ

Chez Bazdam МЪХА

НАИБОЛѢ ЛЬГОТНЫЯ УСЛОВІЯ ПЛАТЕЖА будутъ предоставлены Вамъ безо всякихъ несприятныхъ формальностей въ Société des Pelletteries et fourrures françaises.

58, rue Caumartin, PARIS

(въ 2 мин. отъ вокз. St-Lazare. Métro: Havre-Caumartin).

ДЛЯ ПРИМѢРА:

Манто изъ Каракуля отъ... 1950 фр. Poulain отъ 575 фр.
» Rat d'Amérique » 1250 фр. Columbia
» Murrel » 950 фр. et Castorette » 250 фр.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЖАКЕТОВЪ, ЛИСИЦЪ, ГОРЖЕТОКЪ, ГАРНИТУРЪ И ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ МЪХОВЫХЪ ИЗДѢЛИИ.
ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ № 20, ВЫСЫЛАЕМЫЙ БЕЗПЛАТНО.

РУССКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА ВЪ ПАРИЖѢ

XV учебный годъ имени леди Лидіи Павловны Детердингъ XV учебный годъ.
(ГИМНАЗИЯ И РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ)
29, Boul. d'Auteuil, Boulogne-s.-Seine (Métro: Porte d'Auteuil ou Molitor)
Пріемъ во всѣ классы (два пригготовительныхъ: I-VIII).

ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ книжныхъ и писчебумажныхъ магазинахъ и газетныхъ кіоскахъ

Календари Издательства „ДОБРО“ на 1934 г.

ПОПУЛЯРНЫЕ, наиболѣ изящные и самые ДЕШЕВЫЕ

1. ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1934 ГОДЪ съ многокрасочной художественной въ русскомъ стилѣ стѣнкой-паспарту Фр. 5.—
2. ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ (настольный) КАЛЕНДАРЬ НА 1934 ГОДЪ въ художественной многокрасочной обложкѣ Фр. 3.75
3. КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1934 ГОДЪ Фр. 1.—

Цѣны указаны безъ пересылки.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ КАЛЕНДАРЕЙ:

Wydawnictwo «DOBRO», Warszawa, ul Krakowskie Przedmieście 53.

ТОЛЬКО
вЪ
BANQUE DE CREDIT MUTUEL
CHEQUE POST. 1661-63
68, rue des Archives, Paris-3°. Tél.: Turb. 85-62
ВЫ БУДЕТЕ ПЛАТИТЬ ЗА
чеки, переводы и стандартныя посылки на
ОРГСИНЪ
МИНИМАЛЬНУЮ КОМИССИЮ

Заказы изъ Парижа: за чекъ — 5 фр.:
за переводъ и продовольств. посылку — 6 фр. 50 с.

Заказы изъ провинции и изъ заграници: за чекъ — 10 фр.:
за переводъ и продовольств. посылку — 10 фр.

Банкъ открытъ также по воскресеньямъ съ 10 ч. до 12 час. утра.

Значительное пониженіе цѣнъ на товары въ Торгсинѣ

Мука крупчатая	1 кило 25 коп. вмѣсто 45 коп.
Мука пшеничная 50%	1 кило 18 коп. вмѣсто 30 коп.
Мука пшеничная 75%	1 кило 11 коп. вмѣсто 22 коп.
Крупа манная:	1 кило 27 коп. вмѣсто 40 коп.
Крупа гречневая:	1 кило 14 коп. вмѣсто 20 коп.

ПРОДОВОЛЬСТВ. И ВЕЩЕВЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ. Переводы на Торгсинѣ.

ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
73, rue de la Victoire, Paris (9°) Tél.: Trinité 52-73 et 52-74.
Métro: Ch. d'Antin et Trinité.

RESTAURANT «CHEZ KORNILOFF»
6, Rue d'Armaillé, prolongement av. Carnot. Tél.: Etoile 52-49

Ф. Д. Корниловъ проситъ своихъ друзей и многоуважаемыхъ, кліентовъ оказать ему вниманіе посѣщеніемъ его ресторана, гдѣ ихъ ждетъ радушный приемъ и изысканный столъ.

Юридическій кабинетъ
Налоги - Официальные переводы
Маркъ Бились и Сынъ
(присяжн. перевод. при Парижскомъ трибуналѣ, кандидатъ правъ)
Всѣ юридическія, судебныя и фискальныя дѣла. Переводы документовъ для вступленія въ бракъ, натурализаціи и т. п. консультации.
24, Rue Laffitte, Paris.
Métro: Opéra.
Tél.: Provence 84-56 et 63-60
Сущ. въ Парижѣ съ 1864 г.

ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ
Французской Лотереи
Главный выигрышъ
5 Милліоновъ фр.
ТРЕБУЙТЕ ПРОСПЕКТЫ

A. GODOVANNIKOFF
30, Quai de Passy, Paris-16°
Tél. JASMIN 01-50. Métro PASSY

Banque Industrielle du Centre
85, rue Richelieu, 85, Paris (2°)
Tél.: Louvre 09-11 et Centr. 35-67
Всѣ банковскія операціи

Старѣйшій банкъ во Франціи ПО ПЕРЕВОДУ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССІЮ ВЪ ЛЮБОЙ ВАЛЮТѢ, равно продовольствен. посылки, съ выдач. получателю безъ доплаты, ПЕРЕВОДЫ И ЧЕКИ НА «ТОРГСИНЪ». Продажа билетовъ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ. Цѣна билета 100 франковъ и 5 фр. почтовые расходы. Розыгрышъ въ декабрѣ 1933 г.

ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированныя французскимъ правительствомъ выигрышныя съ % облигаціи «Crédit National», «Crédit Foncier», «Ville de Paris» и др. Выигрыши 1.000.000 франк. ежемѣсячно. Справки о всякихъ тиражахъ. Русскіе проспекты по требованію бесплатно. Корреспонденція по-русски.

СБЫВШИЯСЯ МЕЧТЫ

«Вы помните, какъ въ июль къ Вамъ пришла одна барышня. Она не могла добиться согласія родителей на бракъ съ молодымъ человекомъ, котораго любила. Вы дали ей совѣтъ, и она вышла замужъ. Я радъ сообщить, что она очень счастлива, и ея родители раздѣляютъ ея счастье. Вотъ почему я благодарю Васъ и желаю Вамъ здоровья и всякаго благополучія.
Подпись: М-мъ В. П.»

ИНДУСЪ АГА-МИРЪ, извѣстный индусскій ясновидящій, съ мировымъ именемъ, предсказываетъ совершенно точно Ваше будущее и читаетъ Ваши мысли. Онъ вамъ поможетъ преодолѣть всѣ затрудненія и неудачи. Посовѣтуйтесь съ нимъ лично или письменно.
20, av. Mac-Mahon, métro: Etoile. Tél. 15-90

ДЛЯ
ГУЛЯНІЯ
СПОРТА
БАЛА

обращайтесь къ
ТУЛЭНЪ
лучшему портному
Больш. Бульваровъ.
Безупречный покрой.
Цѣны выгъ конкуренціи.
ТУЛЭНЪ,
1, Bd. Haussmann
(Carref. Drouot).
Смокингъ — специальный матеріалъ «гранитъ», — гарантированнаго качества, изысканнаго тона. — Отвороты и подкладка шелковыя.
На заказъ отъ 550 фр.

№ 48 (446)
Суббота, 25 ноября 1933.

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Цѣна отд. № 3 фр.
10-й годъ изданія.

И. РАДИЩЕВСКАЯ, 2

№ 4007725

1. ЛАНДЫШЪ

Въ голыхъ росяхъ вѣялъ холодъ...
Ты свѣтился межъ сухихъ,
Мертвыхъ листьевъ... Я былъ молодъ,
Я слалъ свой первый стихъ.

И на вѣкъ сроднился съ чистой
Молодой моей душой
Влажно-свѣжій, водянистый,
Кисловатый запахъ твой!

Не смѣлъ полураскрытыхъ устъ
Уже и я касаться взглядомъ,
Но быть еще блаженно пусть
Тотъ дивный міръ, гдѣ шли мы рядомъ.

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Таесть, сіяетъ луна въ облакахъ.
Яблони въ бѣлыхъ кудрявыхъ цвѣтахъ.

Зыбь облаковъ и мелка и нѣжна.
Возлѣ луны голубая она.

Въ холодѣ голыхъ, прозрачныхъ аллей
Пробуетъ покать, трещить соловей.

Въ домѣ, ужъ темно, въ раскрытомъ
окнѣ,
Дѣвочка косы плететъ при лунѣ:

Сладокъ и новъ ей весенній разсказъ,
Міру разсказанный тысячу разъ.

РАЗСВѢТЪ

Ранній, чуть видный разсвѣтъ.
Сердце семнадцати лѣтъ.

Сада дремотная мгла
Липовымъ цвѣтомъ тепла.

Тихъ и таинствененъ домъ
Съ крайнимъ, завѣтнымъ окномъ.

Штора въ окнѣ, а за ней —
Солнце вселенной моей.

Ив. Бунинъ.

2. НАКАНУНЪ

Мы рядомъ шли, и на меня
Она глядѣтъ уже смущалась,
Но въ вѣтрѣ мартовскаго дня
Пустая наша рѣчь терялась.

Блѣтли стужей облака
Сквозь садъ, гдѣ падали капли,
Блѣдна была ея щека,
Но какъ цвѣты глаза синѣли.

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Золотыми цвѣтутъ остріями
У кровати полночная свѣчи.
За открытымъ окномъ, въ черной ямѣ,
Шепчетъ садъ безпокойныя рѣчи.

Эта тьма дождевая, сырая,
Вѣетъ въ горницу свѣтлымъ дыханьемъ.
Золотые цвѣты, выростая,
На лазурномъ дрожатъ основаньи.

Засыпаю въ постели прохладной,
Очарованъ ихъ дрожью растущей,
Молодой, беззаботный, съ отрадной
Думой-пѣсней о пѣснѣ грядущей.

Выборъ Шведской Академіи

И. А. БУНИНЪ

Да, этотъ выборъ — большая радость для русской литературы. Онъ встрѣченъ общимъ одобреніемъ, и это вполне понятно. Тѣ возраженія, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ дѣлались противъ Нобелевскихъ премій вообще, въ настоящемъ случаѣ отпадаютъ. Говорили, что обычно литературная премія достается людямъ, нисколько въ ней не нуждающимся по своему богатству и заработкамъ. Такъ оно, дѣйствительно, часто бывало. Но теперь вышло не такъ: Бунинъ — это ни для кого не тайна — былъ весьма не богатъ. Говорили, что премія всегда дается людямъ преклоннаго возраста, уже утратившимъ или теряющимъ творческую способность. Бунинъ находится въ расцвѣтѣ силъ и таланта. Скажу больше: онъ, кажется, никогда не писалъ такъ хорошо, какъ теперь. Каждое его произведеніе совершеннѣе предыдущихъ, и самое лучшее, на мой взглядъ, — еще не законченная, теперь печатающаяся въ «Современныхъ Запискахъ», «Жизнь Арсеньева». Исторіи литературы извѣстно очень немного случаевъ такого непрерывнаго подъема, не знающаго ни неудачъ, ни срывовъ.

Да, премію получилъ человекъ, вполне ее заслужившій. У писателей на этотъ счетъ, кажется, нѣтъ двухъ мнѣній. Въ литературной средѣ, какъ почти во всякой другой, есть группы, направленія, симпатіи, антипатіи, кружковщина. Но въ общемъ, съ годами, справедливое отношеніе устанавливается почти всегда ко всѣмъ. Каждый, какъ говорилъ Бѣлинскій, рано или поздно, но непременно «попадаетъ на свою полочку». Бунину мы не со вчерашняго дня отвели полочку очень, очень высокую.

Мы цѣнимъ въ немъ и другое. Это писатель гордый, независимый, не угождающій въ своемъ искусствѣ никому. Говорю не только о томъ, что онъ никогда не угождалъ властямъ, — хоть и это, по нынѣшнимъ временамъ, заслуга немалая: всѣ мы знаемъ, что творится въ «соціалистическомъ отечествѣ», — да и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Но есть и иной соблазнъ: угодничество передъ публикой. Въ немъ также никто не упрекнетъ Бунина: не подлаживался онъ подъ вкусъ публики въ ту пору, когда писалъ «Деревню», не подлаживается подъ нихъ и сейчасъ. Всегда шелъ и продолжаетъ идти своимъ путемъ. Шелъ и по линіи наибольшаго сопротивленія.

Огромный успѣхъ его пути поэтому истинный подарокъ всѣмъ людямъ независимой мысли и независимаго слова.

Такую же независимость проявили и шведскіе академики, — отмѣтимъ это съ признательностью, однако, безъ удивленія. Сколько разъ самые разные люди съ большой увѣренностью утверждали, что никогда Нобелевской литературной преміи не дадутъ русскому эмигранту. Я неизмѣнно спорилъ. — «Почему?» — «Потому, что онъ русский...» «Потому, что онъ эмигрантъ...» «Шведы не любятъ Россіи...» — «Это мѣсть за Полтаву», — добавляли остряки. — «Какой вздоръ! Въдъ русскимъ ученымъ Павлову и Мечникову была шведами присуждена Нобелевская премія». — «Такъ то такъ, но русскому писателю не дадутъ, а ужъ эмигранту и подавно! Съ какой стати они станутъ ссориться съ совѣтскимъ правительствомъ?...»

Возраженіе несправедливое, теперь блестяще опровергнутое. Шведы вообще очень независимый народъ, это доказываетъ всей ихъ исторіей. Совсѣмъ недавно попытка одной иностранной державы повліять на шведскую печать встрѣтила самый рѣшительный отпоръ со стороны всѣхъ газетъ Швеціи, отъ социалистическихъ до консервативныхъ. Стокгольмскіе академики не зависятъ отъ собственнаго правительства; почему же они станутъ считаться съ правительствомъ чужимъ, да еще съ совѣтскимъ!

И. А. Бунинъ въ молодые годы.

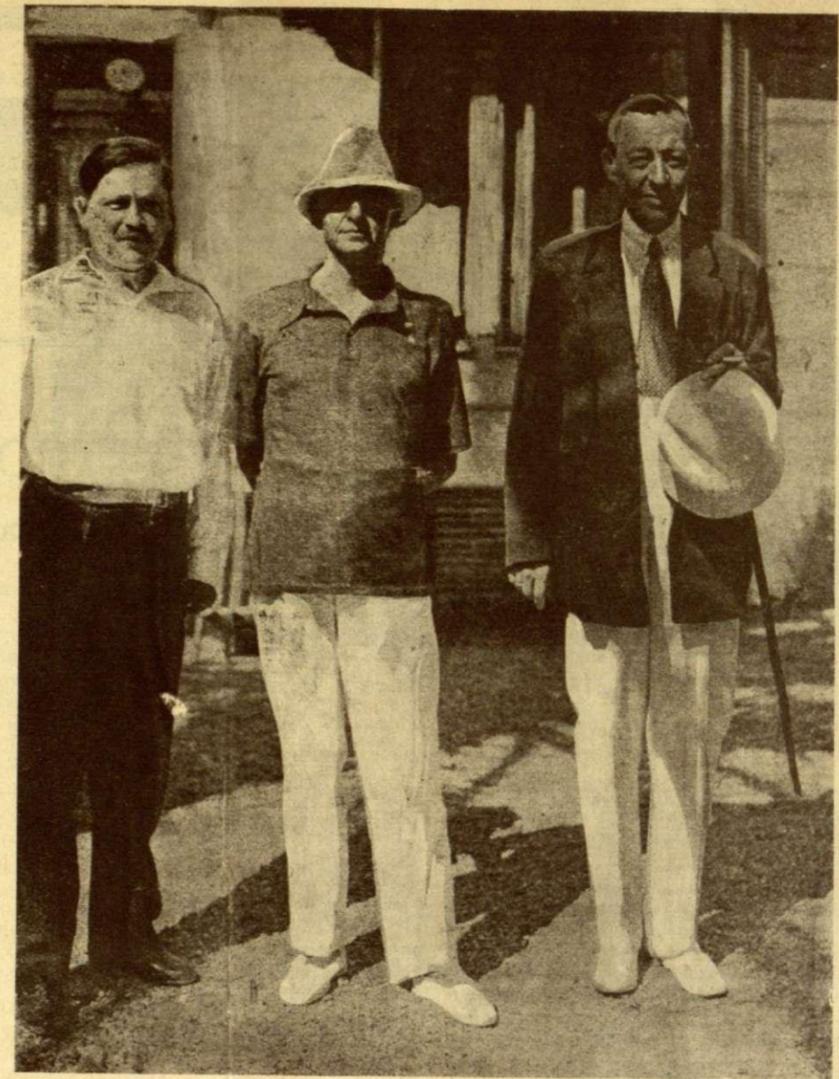
Правда, мы читали, что большевики очень энергично защищаютъ въ Стокгольмѣ кандидатуру Максима Горькаго. Это ихъ право, и провалъ ихъ усилий еще увеличиваетъ нашу радость. Но не было никакихъ основаній приписывать стараніямъ большевиковъ рѣшающее значеніе, — или даже какое бы то ни было значеніе вообще. Премія была присуждена русскому эмигранту, не потому, конечно, что онъ эмигрантъ, а потому, что онъ ея вполне заслуживалъ. Отмѣчу при этомъ, что шведовъ не оставило и созданіе «дипломатическаго казуса безъ прецедентовъ»: обычно королю представляетъ Нобелевскаго лауреата посланникъ его страны. Такъ какъ есть всѣ основанія думать, что И. А. Бунинъ не пожелаетъ воспользоваться любезными услугами госпожи Коллонтай, то его представитъ кто-либо другой: быть можетъ, французскій посланникъ, какъ какъ новый Нобелевскій лауреатъ уже много лѣтъ пользуется гостеприимствомъ Франціи; быть можетъ, шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ! Въ такомъ же положеніи, вѣрно, окажется другой лауреатъ Шредингеръ, недавно покинувшій Германію. Ему также шведы присудили премію (по физикѣ), ни съ какими побочными соображеніями не считаюсь.

Вотъ только одинъ былъ очень серьезный доводъ у пессимистовъ: въдъ Л. Н. Толстому дѣйствительно Нобелевская премія не была присуждена, хоть никогда не было въ мірѣ кандидата, приближающагося къ нему по геніальности, по міровой славѣ. Говорили, что на него «наложило вето русское правительство». Я думаю, это такая же легенда, какъ и то, что Толстой отъ преміи отказался (не могъ отказываться, ибо ея напередъ не предлагаютъ). Думаю это по многимъ причинамъ. Прежде всего, «вето» подобнаго рода, повторяю, никакого значенія имѣть не могло, — скорѣе произвело бы обратное дѣйствіе. Кроме того, съ 1901 года по 1910 (годъ кончины Толстого) у насъ были у власти самые разные люди, — неужели же всѣ они первымъ дѣломъ думали о томъ, какъ наложить вето на Нобелевскую премію? А главное, едва ли есть основанія утверждать, что присужденіе литературной преміи Толстому было бы по существу несправедливо русскому правительству. Была, конечно, доля прав-

ды въ старыхъ словахъ: «Россіей править Совѣтъ Объединеннаго Дворянства». Однако, по моимъ наблюденіямъ (правда, быть можетъ, очень неполнымъ), русская аристократія, за исключеніемъ изувѣровъ, въ душѣ боготворила Толстого — писателя, какъ ни враждебно относилась она къ его политической и философской проповѣди: — «Я его ученіе ненавижу, онъ былъ анархистъ худшаго сорта», — говорилъ мнѣ одинъ нашъ правый соотечественникъ, — «но онъ былъ нашъ человекъ и нашъ писатель, онъ насъ и нашу жизнь описывалъ, да какъ описывалъ! Въ немъ была рюрикова кровь, кровь князей Волконскихъ, Горчаковыхъ, Щетининыхъ. Все въ немъ наше, и даже французскій языкъ его, это нашъ французскій языкъ»...

Я не знаю, почему Толстой не получилъ Нобелевской преміи. Правда, она была ему не нужна. Премія ничего не могла бы прибавить къ его славѣ. А деньги!... Она въдъ составляла около десятой части состоянія, переданнаго имъ еще при жизни семьѣ, и ужъ совсѣмъ незначительную долю стоимости его литературныхъ правъ, отъ которыхъ онъ отказался совершенно (помнится, Сытинъ предлагалъ миллионъ золотыхъ рублей только за одно изданіе «полнаго собранія», срокомъ на три года). Но кроме того, могло быть еще другое: въдъ далеко не все въ духѣ его твореній было приемлемо для самихъ шведскихъ академиковъ. По той же, думаю, причинѣ не получилъ преміи и Генрихъ Ибсенъ, національная гордость скандинавскихъ странъ. Я гдѣ-то читалъ, что Ибсенъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни лежалъ безъ сознанія, въ параличѣ. Но за нѣсколько минутъ до смерти, онъ очнулся, посмотрѣлъ на людей, стоявшихъ у его постели, и отчетливо произнесъ одно слово: «Напротивъ!...» Вотъ это «напротивъ!», всю жизнь въ немъ, какъ и въ Толстомъ, сидѣвшее, отчасти и помѣшало имъ получить Нобелевскую премію...

Возвращаюсь къ Бунину. Нынѣшнее его торжество, помимо всего прочаго, урокъ для молодыхъ писателей. Хорошо помню день его перваго приѣзда въ Парижъ. Было это тринадцать лѣтъ тому назадъ. Я работалъ въ редакціи «Грядущей Россіи». Вдругъ появился Алексѣй Н. Толстой. «Вотъ какого гостя я привелъ!...» Вмѣстѣ съ нимъ въ маленькую редакціонную комнату, которую любезно отвѣлъ намъ въ своей квартирѣ на улицѣ Данферъ-Рошера проф. В. А. Анри, вошелъ Бунинъ. Надо ли говорить, какъ мы были ему рады. А. Н. Толстой, самъ писатель громаднаго таланта, исключительно высоко ставилъ автора «Господина изъ Санъ-Франциско». Помню нашъ разговоръ, очень онъ былъ грустенъ. Иванъ Алексѣевичъ былъ въ тяжеломъ настроеніи. Много горя выпало въ ту пору на его долю. Вдобавокъ, въ пути его обобрали воры,

Въ гостяхъ у И. А. Бунина на Ривьерѣ. Слѣва направо: М. А. Алдановъ, И. А. Бунинъ и С. В. Рахманиновъ.

украли рѣшительно все: деньги, золото, вещи. Онъ былъ безъ гроша — безъ надеждъ, безъ плановъ. Конечно, имя Бунина пользовалось всероссійской извѣстностью. Но въ западной Европѣ въ ту пору его еще мало знали. Русскихъ издательствъ почти не было. Не было ни газетъ, ни журналовъ, кроме «Грядущей Россіи» (которая вскорѣ послѣ того закрылась за отсутствіемъ средствъ). Немногіе изъ молодыхъ писателей начинали эмигрантскую жизнь въ худшихъ условіяхъ. А Иванъ Алексѣевичъ былъ уже немолодь, ему надо было прокормить и себя, и жену, такъ достойно дѣлвщую съ нимъ жизнь... Прошли годы. — Онъ завоевалъ міровую славу. Говорятъ, у молодыхъ эмигрантскихъ писателей нѣтъ среды, быта, литературной атмосферы. Точно все это было у Бунина! Не существуе чело- вѣка болѣе русскаго, болѣе связаннаго съ русской средой, въ русскимъ бытомъ,

съ русскимъ литературнымъ воздухомъ. Это не помѣшало ему создать въ эмиграціи рядъ шедевровъ, — и не всѣ они написаны «по памяти» и не только «по памяти» написана «Жизнь Арсеньева», хотя, конечно, историкъ литературы отмѣтитъ, что эта книга могла быть создана въ Грасѣ!...

Торжество знаменитаго русскаго писателя есть торжество всей эмигрантской литературы. Такъ мы всѣ это и приняли. Такъ это приняли и старшіе изъ насъ, имена которыхъ не разъ назывались въ связи съ Нобелевской преміей. Это дѣлаетъ имъ большую честь. Въдъ не всегда такъ бываетъ. Не стоитъ напоминать о томъ, что произошло, послѣ присужденія той же преміи американскому писателю Синклеру Льюису, между нимъ и его главнымъ соперникомъ Теодоромъ Драйсеромъ. Русская литература на чужбинѣ блюдетъ свое достоинство.

М. Алдановъ.

Жизнь и творчество Бунина

Изъ матеріаловъ къ біографіи

И. А. Бунинъ родился 10 октября 1870 года въ Воронежѣ и получилъ образование въ Елецкой гимназіи. Семья Буниныхъ — старо-дворянская, извѣстная своими давними, культурными связями. Изъ нея вышла извѣстная поэтесса прошлаго столѣтія Анна Петровна Бунина. Къ семьѣ Буниныхъ также имѣлъ близкое отношеніе В. А. Жуковский.

Въ Бунинѣ были съ дѣтства заложены большія склонности къ музыкѣ, къ живописи и къ валянію. «Мой домашній учитель», пишетъ И. А. Бунинъ въ своей «Записной Книжкѣ»: «игралъ на скрипкѣ, рисовалъ акварелью — и я до сихъ поръ помню какое-то совсѣмъ особенное волненіе, съ которымъ я бралъ въ руки его скрипку или пачкалъ бумагу красками. Въ уѣздномъ городѣ, гдѣ я учился въ гимназіи, я одно время жилъ у ваятеля всего того, что требуется для кладбищенскихъ памятниковъ, — и цѣлую зиму, каждую свободную минуту мялъ глину, лѣпилъ изъ нея то ликъ Христа, то черепъ Адама, и даже достигъ вскорѣ такихъ успѣховъ, что хозяинъ иногда пользовался моими черепами, и они попадали на чугунные кладбищенскіе кресты въ изножью Распятій, гдѣ вѣрно и теперь еще пребываютъ. Почему же все-таки не сталъ я ни музыкантомъ, ни ваятелемъ, ни живописцемъ?»

Жизнь въ русской деревнѣ, близкое общеніе съ природой и съ крестьянами черноземной полосы наложили на душевный складъ и творчество писателя неизгладимый отпечатокъ. Первыми впечатлѣніями дѣтства и юности. И. А. Бунинъ предопредѣлено ему мѣсто въ русской литературѣ. Бунинъ — поэтъ и писатель деревенскій. Смирненное кладбище, дикій садъ, тѣнь липы — были главными очарованіями для Бунина.

Печататься И. А. Бунинъ началъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Его современники были: Григоровичъ, Л. Толстой, Салтыковъ-Щедринъ, Лѣсковъ, Глѣбъ Успенскій, Эртель, Гаршинъ, Чеховъ, Короленко, Вл. Соловьевъ, Фетъ, Майковъ, Полонскій, Надсонъ, Фофановъ, Мережковский.

Первый сборникъ стихотвореній поэта появился въ 1887 году еще въ Орлѣ. За этимъ

сборникомъ послѣдовалъ рядъ томовъ стихотвореній.

Бунинъ работалъ долго и упорно, выпускалъ сборники стихотвореній подъ скромными названіями: «томъ первый», «томъ второй», «томъ третій»... въ простыхъ сѣрыхъ обложкахъ, съ лаконическими заглавіями. Прошло долгихъ 14 лѣтъ прежде, чѣмъ поэтъ выпустилъ сборникъ стиховъ «Листопадъ», который положилъ основаніе его извѣстности.

Про этотъ періодъ творчества И. А. Бунина извѣстный литературный критикъ К. Чуковский писалъ въ 1914 году:

«Бунинъ не воспѣвалъ никогда ни Кремля, ни «Мѣднаго Всадника». Если бы провалился Петроградъ и Москва, въ его стихахъ не измѣнилось бы ни строчки. Ему же дорого и важно одно:

«Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ поднимается,
Шумно по чашамъ идетъ...»

«Вѣтеръ, оттепель, снѣгъ, листопадъ, — всепоглощающіе факты его жизни. Онъ пѣвецъ прогалинь и проталинь, сосенъ, октябрей, февралей. Его стихи — деревенскій дневникъ:

— Еще холоденъ и сыръ февральскій воздухъ...
Сдается наконецъ сырмъ вѣтрамъ февраль...»

— Прошли дожди, апрѣль теплѣть...
— Скоро и Троишинъ день, скоро пѣсни, вѣнки и покосы.

«Множество такихъ наблюденій и записей въ стихотворномъ его дневникѣ. Тамъ есть и другіе мотивы, но природа и погода — главнѣйшіе. Въ наблюденіи и описаніи природы Бунинъ изумительный мастеръ.»

«До 94-го года я не видѣлъ ни одного писателя, заноситъ И. А. Бунинъ въ свою «Записную Книжку»: «и вообще совсѣмъ былъ чуждъ литературному міру. Зато начались мои литературныя встрѣчи не болѣе, ни менѣе, какъ съ Толстого. Я увидѣлъ его впервые въ январѣ 1894 года. И, съ того времени, знакомства мои съ писателями стали быстро увеличиваться. Черезъ годъ послѣ того я поѣхалъ въ Петербургъ и познакомилъ

ся тамъ съ Михайловскимъ, Кривенко, т. е. редакціей «Русскаго Богатства», уже печатавшего тогда мои первые рассказы, побывалъ у поэта Жемчужникова, — онъ предъ тѣмъ переписывался со мною, печатая мои стихи въ «Вѣстникѣ Европы», — и даже видѣлъ живого Григоровича, а пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, сдѣлалъ еще много знакомствъ: съ Златовратскимъ, Эртелемъ, Чеховымъ, Бальмонтомъ, Брюсовымъ, Емельяновымъ-Коханскимъ, Коневскимъ, Добролюбовымъ, Лохвицкой... Обиліе знакомствъ оказалось богатѣйшее, смѣсь удивительная. Я увидѣлъ сразу цѣлыхъ четыре литературныхъ эпохи: съ одной стороны Григоровичъ, Жемчужниковъ, Толстой; съ другой — редакція «Русскаго Богатства», Златовратскій и ему подобные; съ третьей Эртель, Чеховъ, а съ четвертой — тѣ самые служители «новой красоты» (декаденты, прим. ред.), которые, по слову Мережковского уже «преступали всѣ законы, нарушали всѣ черты.»

«Все это произошло въ теченіе какого-нибудь одного года. И все это повело къ тому, что какъ-то сразу связалась съ тѣхъ поръ моя жизнь, съ жизнью литературной среды, а вскорѣ — во второй пріѣздъ въ Петербургъ — эта связь еще болѣе упрочилась, кругъ моихъ литературныхъ знакомствъ и впечатлѣній еще болѣе расширился...»

Про Бунина одинъ литературный критикъ сказалъ, что у писателя «зоркій глазъ». Это замѣчаніе болѣе мѣтко характеризуетъ основной тонъ творчества И. А. Бунина. Для него нѣтъ выше наслажденія, чѣмъ видѣть снѣгъ, тѣни деревьевъ, луну... Бунинъ поглощаетъ природу глазами, постигаетъ ее исключительно зрѣніемъ; какъ и Фетъ, онъ «соглядатай природы».

Его степной, деревенскій глазъ такъ хватокъ, остеръ и зорокъ, что мы всѣ передъ нимъ — какъ слѣпые. Никто не писалъ до него, что бѣлыя лошади — подъ луною зеленыя, а глаза у нихъ — фіолетовые, что — дымъ — сиреневый, черноземъ синій, а жнивья — лимонныя. Тамъ, гдѣ мы видимъ только синюю и красную краску, Бунинъ видитъ десятки оттѣнковъ: розово-палевый, сиренево-стальной, серебристо-сѣрый, гряз-

но-грифельный. Онъ не столько пѣвецъ, сколько колористъ-живописецъ. Любаніе, радованіе зримымъ для него величайшее счастье. Недавно онъ изобразилъ человека, который ночью въ восторгѣ выходитъ во дворъ и глядитъ на блестящую крышу. И эта блестящая крыша, сама по себѣ, созерцаніе блестящей крыши, любаніе этой блестящей крышей волнуетъ и восхищаетъ его, какъ нечаянная радость, какъ благовѣсть! Видѣть крышу, всѣ ея оттѣнки и оттѣски — развѣ для художника этого мало? Даже умирая и думая о своемъ погребеніи, художникъ улыбается и радуется, ибо онъ видитъ это страшное зрѣлище въ такихъ очаровательныхъ краскахъ:

«Онъ, улыбаясь, думаетъ о томъ,
«Какъ будутъ выносить его — какъ сиди
«На жаркомъ солнцѣ траурныя ризы,
«Какъ желтъ огонь, какъ бѣлы на синемъ
домъ...»

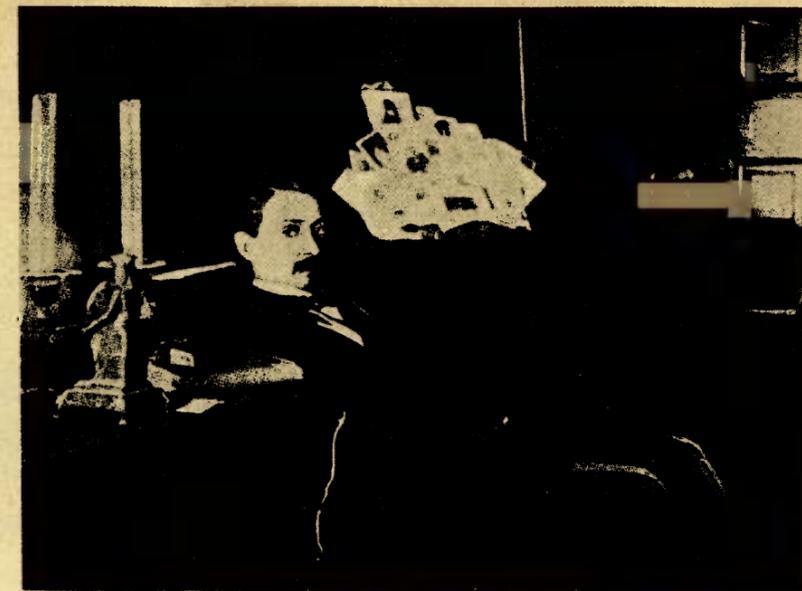
И, конечно, Бунинъ не былъ бы лирикомъ, если бы всѣми этими деревенскими красками и деревенскими образами, дужами, березами, стогами не умѣлъ изобразить свою душу, передать тѣ своенравныя, неудовимыя чувства, которыя пронесены въ ней. Его стихи только по виду, только для незрячаго глаза — дневникъ о погодѣ, о соснахъ о еляхъ, а на дѣлѣ они о душѣ. Если Бунину грустно, онъ пишетъ о березахъ и еляхъ, если ему весело, онъ пишетъ о березахъ и еляхъ — и музыкой слова, комбинаціей красокъ и образовъ властно внушаетъ свои чувства и намъ. Сосны, ели, овины, стога, косогоры — какъ бы струны и клавиши того рояля, тѣхъ старыхъ деревенскихъ фортепьянъ, на которыхъ онъ такъ виртуозно играетъ.

Его голосъ — самый спокойный и ровный во всей современной русской литературѣ. Чѣмъ больше Бунинъ изволнованъ, тѣмъ безстрастнѣе его петромка, осторожная рѣчь. Онъ никогда не кричитъ и, кажется, лучше себѣ руку отрѣжетъ, чѣмъ напишетъ барабанное слово. Всякіе вопли, истерики, визги кажутся ему жнивье жижи... (К. Чуковский).

Въ молодые годы И. А. Бунинъ получилъ широкую извѣстность, благодаря своимъ мастерскимъ переводамъ иностранныхъ поэтовъ. Широко образованный, просвѣщенный, тишиный представитель того поколѣнія русской интеллигенціи, которая знала иностранные языки такъ же хорошо, какъ и свой родной языкъ, Бунинъ съ легкостью и блескомъ перевелъ рядъ классическихъ произведеній мировой литературы. То была

И. А. Бунинъ и Леонидъ Андреевъ.

И. А. Бунинъ у себя дома въ девятисотыхъ годахъ.

пора широкаго и основательнаго ознакомленія нашего читателя съ иностранными поэтами: Бальмонтъ переводилъ Гауптмана и Эдгара По, Гумилевъ — Теофила Готье и Бодлера, И. А. Бунинъ — перевелъ «Пѣснь о Гайвагѣ» Лонгфелло и удостоился за этотъ образцовый переводъ Пушкинскіи премии.

Собственно первыя работы И. А. въ области беллетристики слѣдуетъ отнести къ началу 900-хъ годовъ. Въ это время появились его первые рассказы въ сборникахъ «Знаніе».

Императорская Академія Наукъ рано оцѣнила писательскій талантъ И. А. Бунина. Нѣсколько разъ на протяженіи сравнительно краткаго промежутка времени она удостоивала его оригинальными произведеніями преміями, а въ 1909 году избрала его почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности. Въ этотъ годъ И. А. Бунинъ исполнилось 39 лѣтъ. Писателю было суждено стать самымъ молодымъ русскимъ академикомъ.

Бунинъ любитъ говорить правду, какъ бы она ни была подчасъ тяжела. Писателю кажется, что мы безумные моты, расточающіе свое послѣднее, лучшее; что тратитъ разорять, разоряться — единственное наше призваніе.

Даже, слушая соловьиное пѣніе, Бунинскій герой говорить:

— Вотъ бы изъ ружья то его! Такъ бы и кувиркнулся.

— Да ты про кого же?
— Да про соловья про энтаго...

Непремѣнно убить, уничтожить самое дорогое и сладостное. Если волнующе прелестная женщина — въ повѣсти «Деревня» — одарена красотой изумительной, то мы эту красоту — спожившими — втѣпчемъ въ самую грязную грязь, превратимъ въ позоръ и страданіе.

Страшно читать, какъ такую красавицу съ обаятельно изящной душой продаютъ для побоевъ — какому-то мерзвѣйшему выродку, который, глядя на ея красоту, говорить:

— Чисто-кафельная, сволочь!...

Его сужденія о русскомъ сельскомъ бытѣ отличались суровостью, которую себѣ не позволялъ ни одинъ русскій писатель до него:

«Черноземъ — въ полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода...»

«Городъ на всю Россію славенъ хлѣбной торговлей. Вѣтъ же этотъ хлѣбъ досьта сто человекѣ во всемъ городѣ...»

«До тла разорены мужики, тринки не осталось въ оскудѣвшихъ усадьбишкахъ, — хозяина бы сюда, хозяина!... Съ хозяйственнымъ огорченіемъ глядитъ Бунинъ вокругъ. Какой беспорядокъ, какая нескладница! Сколько пропадаетъ добра. Никто ничего не умѣетъ. Пахутъ цѣлую тысячу лѣтъ, да что я! больше! — а пахать путемъ, — то-есть ни единая душа не умѣетъ. Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать! Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь!» («Деревня»).

Но странное дѣло: чѣмъ пристальнѣе Бунинъ глядитъ на этотъ кавардакъ и хаосъ, гдѣ все божеское исковеркано дьяволомъ — тѣмъ яснѣе у него на душѣ. Его давняя книга «Деревня» была безнадежна черна. Слѣдующая за ней «Суходоль» — уже лучилась какими-то проблесками. А послѣдняя — объ Иоаннѣ Рыдалыцѣ, Псалмѣ, Худой Травъ — вся осенняя, благосная...

Съ годами творчество Бунина какъ бы

Б. М. Кустодіевъ.

«Деревенскій праздникъ».

ожесточилось. Но это лишь вѣншее впечатлѣніе не глубокаго пѣнителя. Прежде онъ умѣлъ лишь любоваться, а потомъ научился любить. Только этого ему не хватало, чтобы стать великимъ писателемъ. И, если эта любовь не назойливая, а потаенная, скрытая, которой наши «газетные Сентъ-Бевы» не разглядѣли понинѣ, то вѣдь учили же они и Чехова въ черствости! (К. Чуковскій).

«Деревней» Бунина заканчивается циклъ творчества писателя, посвященнаго описанію нашего сельскаго быта. Событія міровой войны какъ бы оторвали его отъ этого излюбленнаго имъ міра. Въ 1915 году Бунины были написаны изумительный по силѣ изобразительности и техническому совершенству рассказы «Господинъ изъ Санъ-Франциско». Этимъ рассказомъ открывается другой періодъ его беллетристическихъ произведений, который тянется въ годы эмиграции...

Крайне интересно перечитывать отзывы о творчествѣ И. А. Бунина, появившіеся въ русской печати уже въ годы эмиграции. Вотъ одинъ изъ нихъ, принадлежащій перу С. Полякова - Литовцева и напечатанный въ сборникѣ «Жаръ-Птица», когда-то изданномъ въ Берлинѣ:

«Крупнѣйшій и подлиннѣйшій художникъ, Бунинъ покоряетъ внимательнаго читателя необыкновенной остротой наблюдения и чудесной правдивостью изображенія. Строгости рисунка у него соотвѣствуетъ аскетическая честность слова. Никогда Бунинъ не польстится на эффектный литературный приемъ, на красивую фразу. Какъ пустынный оубжигъ словесной суеты и ложной мудрости эффектныхъ сентенцій. И это — отъ великой горделивости Бунина, вполне сознающаго жреческую сущность писателя. Читателю онъ сообщаетъ ровно столько, сколько это абсолютно необходимо. Въ экспансивную бесѣду, а тѣмъ болѣе въ фамильярную болтовню онъ никогда съ нимъ не вступаетъ. Оттого большой темпераментъ его всегда въ желѣзной уздѣ, оттого его стиль сдержанъ, поновѣсно-напряженъ и

упругъ. Онъ очень скупъ на слова. Лишнихъ словъ у него почти никогда не бываетъ. Но то немногое, что онъ говоритъ, — мѣтко, важно и правдиво.

«Строгій писатель, чаще всего холодно и какъ-бы безстрастно бичующій жизнь, — уродливую, тяжелую, звѣриную, подлую, — онъ бываетъ подчасъ умизительно нѣжнымъ — скрытой, стыдливой нѣжностью: къ человеку, котораго онъ пожалѣлъ, къ явленію, которое его взволновало»

Въ эмиграціи И. А. Бунины написаны слѣдующія книги: «Роза Іерихона», «Солнечный ударъ», «Божье Древо», «Митина Любовь» и «Жизнь Арсеньева» (еще не закончена).

Особой и впо:нѣ заслуженной популярностью у русскаго читателя пользуется повѣсть «Митина любовь», которую по силѣ, напряженности и поразительной слитности можно было бы назвать поэмой.

О трагедіи отвергнутой юношеской любви писали до Бунина очень многие. Самъ Бунинъ даетъ устами Протасова своему герою насмѣшливую кличку «Вертера изъ Тамбова!» Но, какъ мастеръ большой силы и самообытности, онъ легко отходитъ отъ этого печальнаго героя и создаетъ въ лицѣ Мити образъ влюбленнаго, настолько близкій и понятный намъ всѣмъ, что «Митина любовь» съ полнымъ основаніемъ стала въ послѣвоенные годы самымъ близкимъ намъ литературнымъ произведеніемъ. И, какъ это стало очевиднымъ теперь, когда ту-же оцѣнку «Митина любовь» встрѣтила и въ иностранной средѣ!

«Любовный ужасъ» — вотъ крылатое слово, произнесенное писателемъ въ «Митиную любовь», когда онъ описываетъ любовную сцену ночныхъ птицъ. И этимъ «любовнымъ ужасомъ», весеннимъ изступленіемъ, переходимымъ въ знойное, безжалостное лѣто, когда мельчайшій атомъ мірозданія хочетъ раствориться въ всепожѣдающему праздникѣ природы, проникнута каждая строчка, каждое слово этой великой поэмы любви.

Нѣкоторыя строки повѣсти обладаютъ такой магической силой, что отъ нихъ прямо

нельзя оторваться, и ихъ перечитываешь какъ молитву, по нѣсколько разъ:

«По ночамъ онъ почти не спалъ. Прелесть этихъ лунныхъ ночей была несравненна. Тихо, тихо стоялъ ночной млечный садъ. Осторожно, изнемогая отъ нѣги, пѣли ночные соловьи, состязаясь другъ съ другомъ въ сладости и тонкости пѣсенъ, въ ихъ чистотѣ, тщательности, звучности. И тихая, нѣжная, совѣмъ блѣдная луна низко стояла надъ садомъ, и неизмѣнно сопутствовала ей мелкая, несказанно прелестная зыбь голубоватыхъ обломковъ. Митя спалъ съ незавѣшенными окнами, и садъ и луна всю ночь смотрѣли въ нихъ. И всякій разъ, какъ онъ открывалъ глаза и взглядывалъ на луну, онъ тотчасъ же мысленно произносилъ, какъ одержимый: «Катя!» — и съ такимъ восторгомъ, съ такой болью, что ему самому становилось дико: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могла напомнить ему Катю луна?..»

А вотъ описаніе появленія той (Аленки), которая по плану глупаго старости должна была лѣчить сердце барчука отъ тоски:

«Она откинула, сбросила съ головы подолъ короткой юбки изъ черной самотканной шерсти, и онъ увидалъ ея испуганное и сияющее улыбкой лицо. Она была боса, въ одной юбкѣ и въ простой суровой рубахѣ, заправленной въ юбку. Подъ рубахой стояли ея дѣвичьи груди. Широко вырѣзанный воротъ открывалъ ея шею и часть плечей, а засученные выше локтя рукава — округлая руки. И все въ ней, отъ небольшой головки, покрытой желтымъ платочкомъ, и до маленькихъ, босыхъ ногъ, женскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскихъ, было такъ хорошо, такъ ловко, такъ плѣнительно, что Митя, видѣвшій ее до сихъ поръ только наряженной, впервые увидавшій ее во всей прелести этой простоты, внутренне ахнулъ...»

Повѣсть заканчивается страшнымъ описаніемъ Митинаго кошмара, когда онъ видитъ

При этомъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ съ приложеніями рассылаются двѣ книги «Литературныхъ приложений»: Вел. Кн. Александръ Михайловичъ «Книга воспоминаній», кн. 37 и 38.

ВЪ ГРАССѢ:
Слѣва направо: вн. А. М. Кугушева, Г. Н. Кузнецова (стоитъ), И. А. Бунинъ, В. Н. Бунина и Л. Ф. Зуровъ.

В. Н. Бунина, рожденная Муромцева.

любимую дѣвушку или же какую-то другую — въ объятяхъ соперника... Совершенно невыносимая душевная боль, измучившая Митю, приводитъ драму къ роковой развязкѣ...

Въ этомъ же сборникѣ, въ которомъ напечатанъ рядъ шедевровъ Бунинской прозы («Красный генералъ», «Слава», «Подторжье» и др.) содержится очеркъ «Богиня», въ которомъ дается описаніе жизни и смерти знаменитой Терезы Обри, изображавшей 10 ноября 1793 года въ Соборѣ Парижской Богоматери «Богиню Разума».

Ив. Бунинъ
Дочь Бунина
10. XI. 33

ВЪ ГРАССѢ.
И. А. Бунинъ и В. Н. Бунина.

Очеркъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный, но особое вниманіе каждого читателя должна остановить на себѣ его заключительная глава. Такъ какъ она въ немногихъ словахъ даетъ какъ бы художественный «символь вѣры» И. А. Бунина, мы хотѣли бы закончить имъ нашъ очеркъ:

«Одно хорошо: отъ жизни человечества, отъ вѣковъ поколѣній остается на землѣ только высокое, доброе и прекрасное, только это. Все злое, подлое и низкое, глупое въ концѣ концовъ не оставляетъ слѣда: его нѣтъ, не видно. А что осталось, что есть? Лучшія страницы лучшихъ книгъ, преданія о чести, о совѣсти, о самопожертвованіи, о благородныхъ подвигахъ, чудесныя пѣсни и статуи, великія и святые могилы, греческіе храмы, готическіе соборы, ихъ райски-дивныя цвѣтныя стекла, органныя громы и жалобы, «Dies irae» и «Смертію смерть поправъ»... Остался, есть и во-вѣки будетъ Тотъ, Кто, со креста любви и страданія, простираетъ своимъ убійцамъ неизмѣнно нѣжныя объятія, и Она, Единая, Богиня богинь, Ея же благословенному царствію не будетъ конца.»

Ариель.